

Времяши-камыши
На озера береге,
Где каменья временем,
Где время каменьем.

Велimir Хлебников

Весь же точный смысл жизни
и всемирная круглая радость
должны томиться в груди рою-
щего землю.

Андрей Платонов

Глава первая. ГОЛОВОЛОМКА С ЧЁРНЫМ ПЯТНОМ

— Хорошо бы неглубоко. — Малой повернулся к Андрею. — У меня руки болят.
— Копай. — Андрей протянул младшему брату лопату.
— Думаешь, надо глубоко? — Малой воткнул лопату в сухую дернину и, сделав плачущее лицо, повторил: — У меня руки болят.

Андрей с опаской посмотрел на двух сидящих у подъезда толстух. Не забыл вчерашнюю новость про школьников, которые шли по Железнодорожному району с музыкальной колонкой. Музыка гремела, и они наверняка огрывались на замечания и всё же просто шли, никого не трогали, а за вдовьим фондом была гулянка, и оттуда выскочил землекоп с наградным кайлом. Он набросился на школьников, и трое слегли в больницу с перебитыми ногами. Землекопа тогда успокоили друзья. Он ещё часа полтора веселился на гулянке, пока его не забрали. Могли бы забрать раньше, но участковый не захотел попасть под кайло и спрятался за трансформаторной будкой.

Следы крови и раздолбанную колонку показали в новостях. Трансформаторную будку тоже показали. Участкового за ней уже

не было, зато толпились местные. Покачивая головой, дохленький старишок говорил, что землекоп с кайлом вообще-то неплохой парень, раньше на людей не бросался, и его можно понять, ведь музыка гремела, и ладно бы хорошая, а гремела паскудная, колонку хотелось раздолбать многим, но духу хватило только у землекопа, и тут он молодец, но калечить школьникам ноги — это, конечно, зря.

Андрей догадывался, что старые толстухи — не то чтобы старые, но толстухи, — вряд ли полезут драться, однако забава детей, вышагивающих по двору с садовой лопатой, им явно не понравилась.

- Нельзя же так, когда там люди! — сказала одна.
- Нельзя! — согласилась вторая. — Там люди, а они!..
- Вот да.
- И чем они занимаются?
- Да какая разница, если столько горя!
- Им бы всё шуточки. Копать — дело серьёзное.
- Серьёзное!

Малой напоминал о себе редкими всхлипами, но лопату не выпускал. Ждал, что брат на него посмотрит, и готовился притворно заплакать. Брат смотреть отказывался, и плакать не было смысла, к тому же руки в действительности болели не сильно. Вот в лагере «Юный землекоп» они бы отваливались от боли, и плакать никто бы не разрешил. Андрей рассказывал, что там за всхлипы дают подзатыльник, а если не успел вовремя раскопать яму на нужную глубину, тебя оставляют в ней ночевать, и сиди по пояс в грязюке — сам виноват, что руки кривые. Только Андрей в «Юном землекопе» не был, Малой ему не верил и продолжал мечтать о поездке в лагерь. Может, следующим летом получится. После лагеря он весь двор перекопает, как Андрею не снилось, и ничуточки не устанет.

- Мы точно? — спросил Малой. — Уже четыре раза мимо.
- Ориентиры совпали, — отозвался Андрей.
- Они и раньше совпали. И почему опять я? Давай ещё раз проверим.
- Проверили. Копай.

К толстухам прислушалась женщина из окна на втором этаже. В домашнем халате и с бигудями, она навалилась на подоконник, и Андрей узнал тётя одноклассника, с которым никогда особо не дружил, хотя пару раз бегал на пустырь за хлебозаводом. Тётя одноклассника неожиданно начала ругаться с толстухами, доказывая, что дети очень даже правильно поступают, что занимаются ерундой, летом им и заняться больше нечем, а то, что вокруг столько чужого горя, — не повод одеваться в глухой траур, ведь чужого горя всегда с избытком.

— Мы живём, чтобы детям было хорошо! — крикнула тётя одноклассника.

Её лицо скривилось, побагровело, а ещё она так высунулась из окна, что Андрей разглядел её пухлую грудь. Затаив дыхание, ждал, что полы халата разойдутся и грудь выползет целиком, ну или наполовину, но халат держался крепко, и Андрей разочарованно вздохнул.

- Ты чего? — спросил Малой.
- Надо уходить.
- Почему?! Я глубоко! — Малой по локоть засунул руку в яму и подогнул кисть, чтобы рука вошла чуть глубже.
- Потом ещё выкопаешь. Идём.
- Куда?
- По ориентирам.
- Мы уже пять раз ходили!

Женщины продолжали ругаться, и Андрей, забрав лопату, пошёл брату к кустам. Знал, что у одной толстухи из забоя вернулся сын. Не хватало, чтобы тот выскочил во двор и принялся размахивать наградным кайлом, если у него есть наградное кайло, или чем-нибудь не менее грозным вроде пневматической лопаты или отбойного молотка. Добравшись до кустов, Андрей соврал Малому, что у тёти одноклассника от злости разошёлся халат и на подоконник вывалилась её гигантская грудь.

- Настоящие дойки! — восхитился Андрей.

Малой перестал жаловаться. Обернулся в надежде что-нибудь увидеть. Ничего не увидел, потому что Андрей затащил его в кусты. Малой решил, что брат всё выдумал, однако представил, как расскажет друзьям про дойки, и заискивающе попросил описать их поподробнее. Андрей, усмехнувшись, ответил, что Малой слишком мал для подробностей, и дёрнул его дальше, к дороге. Напоследок они услышали, как со второго этажа доносится срывающийся голос:

— Мы живём для детей!

Тётя одноклассника не сразу заметила, что братья убежали, а когда заметила, расстроилась. Хотела бы догнать, обнять, заодно угостить чем-нибудь сладким. Своих детей у неё не было. Обнимать и угощать она могла только чужих. Прокричала толстухам, что те хуже любой заразы, после чего захлопнула окно и задёрнула шторы. Отчасти из-за таких мегер тётя одноклассника и сделала аборт, хотя в первую очередь, конечно, из-за страха, что однажды придётся с прилюдными слезами хоронить ребёнка, как хоронили большинство матерей в Сугаклееве. После аборта она полюбила чужих детей, особенно племянника, и теперь обхаживала его не хуже родной матери.

Задрав головы, толстухи молча смотрели в окно на втором этаже. Им казалось, что из-за штор кто-то выглядывает. Они ждали, что тётя одноклассника опять откроет окно, и готовились встретить её новым потоком ругани. Возможно, из-за штор в самом деле кто-то выглядел, но окно осталось закрытым, и одна толстуха, опустив голову, жалобно протянула:

— Нельзя же вот так, когда там люди?

— Нельзя, — согласилась вторая. Она отказывалась опустить голову, потом тоже сдалась и повторила: — Нельзя.

Когда толстухи ушли, двор опустел. Лишь возле переполненных мусорных баков копошились тощие кошки да по деревянным головам Кощея, Бабы-яги, Змея Горыныча и каких-то ещё уродливых истуканов прыгали воробы. По стенам пятиэтажек ползли тени

от хлипких облаков. На балконах покачивалось вывешенное для просушки бельё. От моста доносился грохот металлических пластин на деформационных швах, отмечающий появление любого транспорта, и особенно громко — грузового, громыхающего так, будто там не грузовик проезжает, а забивают сваи.

По асфальтовой дорожке на велосипеде проскочил курьер. Из кустов за ним наблюдал Андрей. Подождав, пока курьер метнётся в подъезд и обратно, сверится с телефоном и, отправившись по следующему заказу, скроется за поворотом, Андрей вытянул за собой брата. Они в шестой раз проделали путь от моста. Ориентиры вновь привели во двор. Напуганные их появлением, кошки юркнули за мусорные баки. Вороны, напротив, с интересом устались на братьев.

— Твоя очередь, — проскулил Малой. — У меня руки болят.
— Теперь не ошибёмся.
— Почему?
— Видишь, где у песочницы отбили борт?
— Вижу.
— Вот от него и надо считать. Только ногами не размахивай.
Шагай пяткой к носку. — Андрей сунул Малому лопату.
— Хорошо бы неглубоко...

Глубоко копать не пришлось. Пока Андрей пересчитывал шаги от песочницы и вслух повторял ориентиры, Малой почувствовал, как лопата уткнулась во что-то твёрдое на глубине, едва ли превышающей длину металлического полотна лопаты. Позабыв усталость, Малой несколько раз копнул по сторонам от нащупанного предмета, затем повалился на колени и попробовал разгрести землю руками. Твёрдая и колючая из-за мелких камней, она поддавалась плохо, и Малой ещё повозился, прежде чем разглядел спрятанную под целлофан деревяшку.

— Я сам. — Малой загородил яму.
Развеселившись, Андрей взял лопату и притворился, что хочет копнуть.

— Сам! — Малой повалился на яму животом.

Андрей позволил брату самостоятельно вытащить увесистую шкатулку. Малой смахнул земляную крошку, стянул уже отчасти порванную целлофановую обёртку. Не увидел ни замка, ни защёлки, ни ручки. По краю шкатулки были в ряд приклёны четыре кубика, от которых через всю крышку тянулось чёрное пятно с зубчатым очертанием, сбоку ещё обнаружилось подобие кнопки, и Андрей понял, что ориентиры привели к настоящей головоломке.

Ломать голову Малой поленился. Предпочёл бы сломать шкатулку, но, добротно сложенная, она легко выдержала напористые попытки добраться до её содержимого. Прорычав от недовольства, Малой перестал суетиться и осмотрел головоломку с полагающимся вниманием. Выяснил, что кубики не приклёны, да и были вовсе не кубиками, а подвижными стержнями квадратного сечения. Они с различимым щелчком выходили из крышки, если за них потянуть, — правда, выходили не целиком — и, если надавить, таким же щелчком уходили вглубь, оставляя на поверхности сантиметровые «кубики», то есть свои верхушки.

— И как? — Малой вытягивал и заталкивал с виду одинаковые стержни.

Андрей готовился забрать шкатулку прежде, чем брат сломает какой-нибудь стержень, но краем глаза зацепился за тёмную фигуру у подъезда. Незнакомец лишь сейчас обратил на себя внимание, словно и не прошёл вдоль дома, а просто выделился из тени под балконом первого этажа. На нём был чёрный землекопный костюм. В ногах стоял скособоченный чёрный рюкзак. Лицо, шея и кисти рук, пропитанные пылью, тоже чернели, под тёмной панамой угадывалась чёрная пакля слипшихся волос, и только белый немигающих глаз светились сахарной белизной да в губах держалась не-подкуренная белая сигарета.

Андрей, шагнув, загородил Малого. Подумал, что видит сына толстухи, явившегося на ругань и теперь помышляющего наброситься на них с кулаками, ну или с кайлом, затем тяжело выдохнул

и кинулся к подъезду. Малой озадаченно проводил брата взглядом. Андрей подбежал к чёрному мужчине и вроде бы хотел прыгнуть к нему в объятия, но резко остановился и замер.

— Папа, — в одиночестве прошептал Малой. — Папа...

Прижал шкатулку к груди. Попробовал запихнуть под футбольку и завязать шнурок на шортах так, чтобы она не вывалилась. Отошёл от ямы, вернулся. Расплакался и повалился на колени. Затолкал шкатулку в яму, вскоре присыпал землёй и, на ходу притирая глаза грязными ладонями, наконец помчался к отцу.

Глава вторая. ЗАШИФРОВАННОЕ ПОСЛАНИЕ

Солнечный свет падал на развешанные по детской комнате плакаты с цветными изображениями бульдозеров-рыхлителей, экскаваторов-погрузчиков, грейферных экскаваторов и прочих землеройных машин. Они висели без видимого порядка, иногда перекрывали друг друга и кривились, и лишь один, самый большой плакат, отпечатанный на плотной бумаге, был закреплён со всем тщанием. На нём красовалась двухтысячтонная громадина шагающего экскаватора-драглайна, оснащённого ковшом на двадцать пять кубических метров и способного на своих гигантских опорных лыжах-башмаках проходить до шестидесяти метров в час.

Справа от окна располагался стол с компьютером, выдвижными ящиками и надстройкой из книжных полок. Слева томился стол попроще: без полок, без ящиков, снабжённый подставкой под клавиатуру, но компьютера лишённый. Дальше вдоль стен стояли кровати, и правая кровать была аккуратно заправлена, а под покрывалом левой читался рельеф скомканного одеяла. По углам за ними возвышались платяные шкафы. Между шкафами открывалась тонкая щитовая дверь в смежную спальню.

После обеда в детскую забежал Малой. Он покрутился возле своего простенького стола, разгрёб сваленные в кучу тетради и отыскал альбомный лист, на котором по заданию учителя нарисовал отца в защитном костюме и с поднятым на плечо пневматическим

отбойным молотком. Бережно разгладил заломившийся уголок, кинулся обратно к двери, но задержался, чтобы выудить из шкафа шкатулку-головоломку. Опустившись на ковёр, без успеха подёргал деревянные стержни, с силой надавил на кнопку, после чего переключился на склеенный из спичек сваебойный копёр. Андрей почти закончил копёр и только подыскивал ветку, чтобы выстругать длинную сваю. Малой ещё минуту повозил по узорам ковра игрушечные самосвалы, затем его позвала мать, и он, прихватив альбомный лист с рисунком, убежал.

Детская комната опустела.

Голоса из кухни и коридора долетали глухие, смазанные. Переместившись в гостиную, они сделались более отчётливыми, и теперь в детской можно было разобрать, как дядя Саша воскликнул:

— Да там пластилиновая страна, понимаешь?! Какие ботинки?! На них по килограмму налипает! Не земля, а говнолин сплошной. По килограмму! На тебе столько земли, будто заранее похоронили, и ты, похороненный, мыкаешься куда послали. Понимаешь? Одежда, бельё — всё в земле. Всякой хиродобы хватает, а многие именно от грязи ломаются. Ходят одинаковые, как из толчка, потом валятся в полном невменозе. Из-под ног каждый шаг ползёт. Вот кукуха и едет. Ещё с жары у тебя хлюпает, и ты в этой грязи месцами киснешь без прудых. Так что сапоги, и не выдумывай. Куда там? Ну куда?!

Мать Малого и Андрея что-то неразборчиво ответила. Андрей тоже что-то сказал. Малой, рассмеявшись, радостно крикнул: «Говнолин!» Потом мать с дядей Сашей перебрались в спальню. Они говорили тихо, но в детской их голоса раздавались ясно. Мать пожаловалась, что муж ещё не произнёс ни слова, а с его возвращения прошло два дня, и пора бы что-нибудь сказать. Добавила, что он вообще кажется подменышем. Муж и в прошлом году, когда приезжал в отпуск, ходил чужой, но тогда хотя бы говорил.

— А если правда подменыш?

Дядя Саша шикнул. Мать расплакалась и сбивчиво прошептала, что мужу старая одежда не годится по размеру.

— И ладно брюки, рубашки. Но ботинки?! Так бывает?

— Что?

— Чтобы они на размер большие?

— Значит, бывает.

— А если правда подменыш?

Дядя Саша опять шикнул.

— Подменыш не подменыш... Ему дали благодарность за добросовестное исполнение обязанностей, понятно? Благодарность с подписью начальника сектора кому попало не дают!

Мать заговорила о подруге, у которой в командировочном центре поселяли документы. Выяснилось, что муж подруги почему-то числится не как машинист четвёртого разряда, а как «прочий». Вроде бы радостно, что вернулся, но документов нет, и денег не хватает даже на лекарства, потому что «прочим» выплаты по возвращении не положены. Подруга уволилась из магазина, чтобы ухаживать за мужем, и они живут на пенсию тёщи.

— У нас будет так же?

— Не будет, — ответил дядя Саша.

— Мне на заводе отпуск за свой счёт дали, представляешь?

Знают, что Валя приехал. Всё равно за свой счёт.

— Нашла чем удивить. Говнари.

— Хлеб у нас пекут хороший.

— Но говнари. Могли и нормальный отпуск дать.

— А дали за свой счёт...

Они ещё пошептались и вернулись в гостиную, где дядя Саша продолжил говорить о пластилиновой стране. Ругался на каких-то ему одному известных людей, но ругался с шутками, и Малой с Андреем отвечали смехом. К вечеру голоса переместились на кухню, опять сделались неразборчивыми. После ужина мать привела Андрея в детскую, закрыла дверь и запретила мучить отца расспросами. Покраснев и нахмутившись, Андрей кивнул.

— Если захочет, сам расскажет. Неужели непонятно? Не надо ничего выпытывать.

— Ты как? — спросил Андрей.

— Хорошо. Очень даже хорошо.

Мать прошлась к столу Малого. Сложила в стопку несколько тетрадей, словно захотела навести порядок, но быстро передумала и, повернувшись к Андрею, повторила:

— Очень даже хорошо.

Мать ушла, и в детскую юркнул Малой. Опустившись на ковёр, окружил себя игрушками и спросил, за что Андрею прилетело. Андрей хотел сорваться, ведь Малой опять трогал спичечный копёр, но сдержался. Завалился на кровать и попросил брата не мучить отца расспросами. Добавил, что отец, если захочет, сам что-нибудь расскажет, а выпытывать ничего не надо.

— Почему? — спросил Малой.

— Неужели непонятно? — Андрей вперился в потемневший на закате потолок.

В коридоре хлопнула входная дверь. Прислушавшись, Андрей догадался, что отец с дядей Сашей ушли. Щель под дверью между детской и спальней осветилась разноцветным мельтешением — мать легла смотреть новости. Без звука, но с самодостаточными кадрами и бегущей строкой. Раньше она новостями не интересовалась, а когда отца три года назад отправили в забой, проводила его на вокзал и первым делом включила телевизор. С тех пор смотрела постоянно, и разноцветное мельтешение под дверью иногда продолжалось всю ночь.

Заскучав с игрушками, Малой взялся за шкатулку. Положил её на колени и спросил:

— В унитазе чёрное видел?

— Это кровь, — отозвался Андрей.

— Папа пишет кровью?

— Да.

— А почему она чёрная?

— По кочану.

Отец вчера долго стоял под душем и всё равно вышел какой-то грязный. Мочалка и полотенце почернели, да и ванна перепачкалась, и мать её отмывала, а вот у дяди Саши черноты не было, хотя Андрей у него не ходил в туалет — может, там унитаз тоже чёрный. Отмахнувшись от тревожных мыслей, он спрыгнул с кровати, включил в комнате свет и перехватил у Малого шкатулку.

Ногтем поскрёб пятно с зубчатым очертанием. Поэкспериментировал с выдвижными стержнями. Удостоверился, что щелчки, с которыми они выходят из крышки, обозначают и фиксируют их конкретную высоту. Разница между двумя щелчками не превышала сантиметра, и три стержня справа вытягивались на семь щелчков, то есть семь дополнительных сантиметров, а стержень слева единственный вытягивался лишь на один щелчок. Андрей тряхнул шкатулку. Стукнул по крышке пальцем. Испугался, что короткий стержень застrevает, но быстро убедился, что тот изначально вырезан именно коротким. Вытянув его на всю длину, издал задумчивое «хм». Попробовал нажать на боковую кнопку.

Малой не сводил глаз с головоломки. Нащупал игрушечный самосвал и принялся вслепую водить им по ковру, не слишком уверенно попадая в колею узора. Всякий раз, когда Андрей повторял задумчивое «хм», Малой застывал в предвкушении, затем разочарованно отправлял самосвал в новый рейс. Между тем Андрей приподнял шкатулку, и тень от короткого стержня точно по граням легла в левый зубец чёрного пятна.

— Хм, — уже более уверенно хмыкнул Андрей, и самосвал в руках Малого забуксовал.

Андрей постарался вытянуть второй стержень так, чтобы его тень в свою очередь заняла соседний зубец, но сделать это на весу оказалось непросто. Пришлось опустить шкатулку на ковёр, вытянуть стержень на предполагаемую высоту в четыре сантиметра и вновь поднять шкатулку к люстре. Четырёх сантиметров не хватило. Андрей вытянул стержень ещё на один щелчок. Тени обоих стержней идеально повторили левую половину пятна.